

НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО. ИСКУССТВО И КУЛЬТУРА

Гиль Екатерина Трофимовна
Заслуженная артистка РФ

Магия танца

Из воспоминаний об Александре Гиле, заслуженном артисте РФ, создателе и художественном руководителе корякского ансамбля танца «Мэнго»

Танец «Олени»

Постановка А. В. Гиль,
Засл. артиста России.

Музыкальные ритмы бубнов
исполняют артисты ансамбля «Мэнго»

Полет в несколько прыжков, танцоры вихрем проносятся мимо нас: это как тревога, вестью опережающая происходящее.

...Сколько выходов было на этот номер и не сосчитать. Самый любимый танец мэнговцев и удивительно красивый; сколько специальных приготовлений нужно, чтобы соответствовать номеру: волосы должны быть предельно убраны, шея оголенная (у девчат донельзя), трико должно красиво очерчивать линию фигуры. Но Александр торопит нас провести несколько минут перед выходом на сцену в сильном разогреве. Там и тут взмывают натруженные, крепкие ноги танцоров в гранд-батмане, в сильном релеве разминаются стопы...

В зеркалах отражаются уже готовые образы: сейчас все олени. А вот два «вожака» подходят ко мне, обычно это самые красивые и стройные ребята, проверяю «портупей», застежки, все в порядке, издали Саша довольно кивает, ему нравится, когда мы — артисты помогаем друг другу. Перед выходом, как всегда, объятия и поцелуи, дежурный хлопок по плечу: «Бывай!».

...Самоотдача, самопожертвование, самообладание. Эти качества достойно пронесли через всю свою творческую жизнь «старики» ансамбля и продолжают нести и сегодня.

Вот проходят олени, спокойно, величавым шагом, прогуливаясь. На переднем плане красивая оленуха, ее обхаживает ухажер-олень. Но как эта идиллия обманчива, в следующую секунду врывается Согжой — дикий олень, ловко отбивает оленуху, кругами ограждая ее от партнера. Олени всполошились, всей кучкой — то в одну кулису, то в другую, ножкой-копытцем отстукивая тревогу. Идет бой двух исполинов, вот побежденный валится на землю. Согжой уводит все стадо вместе с оленухой. Кажется, на первый взгляд, прыжки, повороты, бег кругами — скупое решение, но какое! Смотришь, и дух захватывает от этой круговерти, так точно схваченной Сашей при наблюдении за стадом, когда

движения кажутся хаотичными, но потом вдруг начинаешь осознавать всю взаимосвязь. Кажется немислимым и неправдоподобным, как же артисты умудряются не расшибиться вдрызг. Не сразу понимаешь, что движения-то идут в разных направлениях, но тем и сильнее экспрессия. А вот теперь все летят прямо в зал, невольно чуть делаешь движение назад. Оказывается, что артисты оставаясь на месте, прыжками имитируют этот полет вперед, на самом деле только последний прыжок будет сделан вперед и резко влево. И все стремительно, вслед за первым, исчезнут в кулисе. Последний скрывается, а первый вновь уже в два-три прыжка, перебегает на исходную позицию, сейчас будут прыжки в еще большем ритме. Глубокий вздох... готов... полет! Третий пролет — последний — он должен быть вдвое сильнее и быстрее предыдущих. Мы его называем «мультиком». Все красиво. Шквал аплодисментов не смолкает.

Во время спектакля «Мэнго» мы не выходим на поклон среди действия. Это и понятно: Гиль не дает уйти накалу: вихрем залетает пастух-бедняк, следом — богач, иныл, на ходу — пощечина и действие вновь продолжается.

Радость полета в высоком прыжке — этот краткий миг и есть жизнь ансамбля, много лет дающего фору самым знаменитым. Ансамбль вошел в шестерку лучших из лучших хореографических коллективов России и носит сегодня звание «академического».

Привожу отрывок из статьи в журнале «Советский балет», № 2, 1988 г. «Жизнью рожденные». «В танце, как и в песне, как и в народном творчестве, отражается образное восприятие жизни человеком. Можно сказать, театр и театральность исходно присущи народному творчеству, что органично восприняли и мастера ансамблей народного танца, воссоздавая художественный образ национальной пляски на сцене, что мастерски утверждает в своем творческом стиле И.Моисеев. Но мы не могли не говорить о новом виде сценической хореографии, если бы рядом с ним не развивались и другие своеобразные труппы...

Так, к одному виду, безусловно, принадлежат сценическая хореография ансамбля танца Украины им. П.Вирского, ансамбля танца Грузии им.Сухишвили-Рамишвили, молдавского «Жока», таджикской «Лолы», корякского «Мэнго», узбекского «Бахора».

Но вместе с тем, каждый из них имеет свое ярко выраженное лицо. (Валерия Уральская, кандидат философских наук).

* * *

...Жизнь Александра Васильевича прошла, как в громадной мастерской. Если он не занимался чисто творчеством, то ему обязательно надо было быть где-нибудь в стойбище или на море, придирчиво следить за созданием костюмов — немаловажной детали в подаче номера. С ним замучились мастера, готовившие нам несметное количество костюмов. Женщины слегка ругались, выслушивая замечания Саши, оглядывая каждую танцовщицу, бесцеремонно поворачивая в нужном им ракурсе. Раиса Скаршевская, Галина Писковецкая, милые женщины, не обижайтесь, всех бы назвала, да имен полных мы никогда не слышали из-за торопливости, но вас помнят все мэнговцы.

Сюжеты к танцам «Олени», «Чауты», «Танец оленеводов» рассмотрены в путешествиях Александра по тундре; а нам, Гиль, уходя в отпуск, давал задание, наблюдать за всем, что будет окружать нас в минуты отдыха.

Ведь в отпуск уезжали ребята в разные районы Камчатки: случаи на рыбалке, охоте, в стойбищах вплетались потом в канву очередного номера. Первые репетиции так и начинались: с этюдов, рассказов о прожитом, увиденном. Потом все это причудливо преобразовывалось в танце, в сценическом действе двух актеров. Так рождались удивительные концертные номера.

26 января 1994 г.

Петропавловск-Камчатский

Танец «Чайки»

*Постановка А. Гиль
Партитура голосов чаек —
имитация составлена А. Гиль,
исполняют участницы*

Тиличики, август — сентябрь 1972 г., ансамбль находился здесь в связи с предстоящей поездкой во Францию. Репетировали, а главное — Александр Васильевич под неусыпным надзором держал костюмы, которые шились в мехцехе, и не зря, нам бы просто их не дошили, еще хуже, поменяли бы камуса белые, красивые, на другие. Настал и такой момент, когда мастерицы не успевали в срок доделать заказ, и тогда нежные белые ручки северных красавиц тоже тронули мех оленя, впрямую ощутили тяжесть труда мастериц, исколов нещадно руки. Я кроила треугольники на рисунок, надо было скроить много маленьких фигур, затем сшить, причем мехом в нужном направлении. Ребята чистили замшу старых куклянок, украшали ее опушкой, а по низу и на «слюнявчике» — орнаментом из фигур, сшитых из белого и черного камуса. В то время, когда в Доме быта кроились для девушек белые платья для танцевального номера «Чайки», у нас хрипли голоса от криков; ведь не позволялось кричать, петь или танцевать вполсилы. Гиль мучил, все время повторяя для успокоения суворовскую поговорку о тяжести учения и легкости в бою.

Это напряжение было под силу разве что, греческому атлету, но не девчонкам, молча переносившим тяготы артистической жизни. Многие и впрямь не могли понять и спрашивали, зачем танцовщице заниматься не своим делом. Ответ тонул в тишине, только быстрее работали руки, уже познавшие толк в шитье. Но вот и на сцену зовут, пришла смена. Ребята еще горячие и блестящие от пота, только улыбаются, на слова сил нет. Понятно, будет и нам парилка, а может и хуже — потому нередко были слезы, ведь мы женщины. Кто-то в истерику — возможно, будет это ее последним выход на Арену, Гиль просто попросит поискать человеческую работу. А пока сосредоточенно осматривает нас, хвалит за помощь, просит собраться и — в полет...

Лети сюда, чаюшка,
Лети ко мне,
Присядь и поведай смело,
Где, когда и в какой дали...

...Тысячекратно одни и те же движения, наверное можно свихнуть-ся, но Александр действует магически: голос все время поет нам о Чайках, вот они нырнули и у нас — нырок; девушки-птицы, вот вы на краю пропасти, попробуйте удержаться на носках и повиснуть в движении, корпус весь подать вперед и — разворот. Набираем полную грудь воздуха, кажись, получилось. Но нет, это всего лишь момент осмысления, и Гиль ведет дальше. Потом пойдет автоматика. Он держит нас всех на связи, пульт управления у него, и вот снова удача: у кого-то вышло то, что надо, полторы минуты нам будет отдыху, передышки, пока девушка показывает свой миг удачи. Мы смотрим, примеряя мысленно движение на себя, шевелиться не хочется, но все равно сейчас вместе будем добиваться этого мига удачи.

Перерыв. Гиль просит нас позвать теперь парней. Корпус весь болит, руки пудовыми гирями падают вдоль туловища. Часто было особенно тяжело именно от этого номера: все казалось таким безысходным, а работа над «Чайками» — безобразной. Но придет утро, мы приведем себя в порядок, наскоро что-то съедим и — в Дом культуры, потом на примерку в Дом быта и меховую мастерскую, сон и вечерняя репетиция. Такая круговерть казалась нескончаемой.

Но вот и костюмы готовы, все уже ждут сдачи номеров, которые будут показаны во Франции и уже все горды за земляков, а у нас еще нет ощущения праздника.

Назавтра мы идем к морю. Холодно, погода предштормовая, состояние близкое к нам. Что можно почерпнуть из этой прогулки? Все смотрят в разные стороны, оглядываясь, но вот слышим голос Гиля: «Девчата, скоро будут петь чайки. Постарайтесь найти свой крик, внимательно вслушивайтесь, все крики есть в голосах птиц, мы должны в точности их воспроизвести. Катя прозевала, куда смотришь, жди повторения, Шура — твой крик, Люда — твой двойной форшлаг», и т. д.

Птицы в замешательстве: вдруг их стало вдвое больше. Но вот наступает тишина и Саша говорит: «Начинаем мы, они теперь будут вслед вашим крикам делать свои».

Так и получилось, просто мороз по телу, возможно ли такое? Смотрим на поведение чаек, они сели на волны и качаются, кто-то из них красиво подхвтал к нам прямо по воде. Саша кричит: «Видели, да?».

Птицы нас очень полюбили, летают рядом, кажется, решили показать себя во всей красе, вот она сама Природа, стихия. Снова наши крики — у них танец, чайки кричат — мы в их размере делали движения. Когда начинается песня, чайки кружат над нами.

Наконец-то состоялось. Урок Учителя дошел до учеников. Довольные, уже не чувствуя холода, мы возвращаемся в гостиницу. Теперь, чаюя, мы постоянно будем вспоминать об этих моментах. Гиль говорит нам, что чайки похожи на женщин, какая-то в них есть безысход-

ность. Это судьба женская. И вместе с тем, какие это красивые, гордые птицы. Вспоминайте живые картинки, когда будете танцевать, вы птицы, — напоминает он.

Так закончился период подготовки, и зрители Тиличик восторженно провожали нас в Париж. Будет еще и еще раз меняться стилистика танца, будет работа до одурения, будет и покорение Франции. В Париже мы жили два месяца. Концерты состоялись во Дворце Спорта. Был шумный успех. Костюм «Чайка» экспонируется в дорогом магазине, как модель сезона. Интересно, как во время концерта многие пытаются найти фонограмму, или придиричиво — пристально следят за шестью «Чайками» перед их выходом на сцену: не сунем ли мы в рот что-нибудь этакое. Но ничего нет; ведь крики издают сами девушки-чайки.

Зритель неистовствует, нас любят, балуют. Нам звонили в Париж аж из Паланы. Узнают, как мы себя чувствуем. Впервые у нас такой ошеломляющий успех, но Гиль по-прежнему не дает расслабиться. До выхода на сцену гоняет где-нибудь в холле, его ругают и помреж, и режиссер концерта Туманов, кстати милейший человек.

Как-то я опоздала на номер, мне крупно попало от Александра Васильевича, а после концерта смотрю, меня ждет у автобуса Туманов, ведь, кажется, все видели, как я тряслась, переживала, а он меня прижал к себе, поцеловал и сказал: «Катюша, больше никогда не повторится этого, да?» — и еще раз обнял.

Да, такие уроки бывают на всю жизнь...

Танец «Чайки» стал классикой корякского ансамбля танца «Мэнго», эталонным номером, визитной карточкой и самого ансамбля и Камчатки, а девушки, исполнявшие этот танец в первом его составе, оставили образ, полный лирики, нежности, силы и тайны. Это были и есть мои подруги, самые красивые женщины А. Гилия.

24 января 1994 г.

Петропавловск-Камчатский

Танец «Огонь»

*Постановка А. Гилия
Музыка В. Скребкова*

Вслушиваясь в музыку, написанную Валерием Скребковым, невольно воспоминания уходят в пригород Москвы, где мы жили, готовя программу «Мэнго», где со всей силой проявился Союз Музыки и Танца. На кухне, в самом теплом месте для общения со всеми друзьями, никогда не гас огонек. Я как-то не могла спать, когда работал Саша. Тихонько привожу все вещи в порядок, Сашин неприменный завтрашний наряд: все с ног до головы должно быть, как с иголки. Очень меня любил за это Саша. Он нежно выпроваживал меня спать, а я попросилась посидеть с ним немного в надежде услышать рассказ о будущем номере. Я смотрела на него, на смену его настроения в лице, позе, на его жесты. В разговоре он распялялся все больше и больше, а я мысленно просила Всевыш-

него помочь ему, оберегать его в жарком воспламенении, помочь довести желаемое до конца. А Саша, вдохновляясь, уже бежит в соседнюю комнату, вытаскивает из постели заспанного Валеру Скребкова. Следом бежит жена Тамара, бурча на Гиля, вечно мешающего отдыхать мужу, мы с Сашей привыкли к ней.

Тонкий, в длинном халате, всегда непомерно тихий, Валерий умел слушать, нет — вслушиваться в речь Гиля и по мере вникания в смысл, глаза Скребкова уходили далеко, менялось выражение, еще секунда и вот уже два человека работают параллельно: один — над музыкой, другой, жестикулируя, — над будущим танцем. Александр всегда помнил о замысле танца (номера). И потому все номера программы «Мэнго» были моноспектаклями.

* * *

Уже без Сашеньки мы как-то с Валерием Скребковым вспоминали. Саша был ему тоже до конца непонятен в скоростном ритме работы. А оказалось, не торопись он — не была бы создана корякская культура «Мэнго» и возникшее благодаря ей особое отношение к Северам вообще. Саша поднимал громадную целину всего Ледовитого Севера, как оплота чистой культуры взаимоотношений, теснейшей связи живущих людей с природой. Потому-то и оказался Гиль в центре внимания Влаиля Казначеева, академика, великого ученого во многих сферах науки, центром которой является город Новосибирск.

...Это были последние гастроли с незабвенным Александром Васильевичем Гилем. Закончилось выступление в Новосибирске. Затем по приглашению Академгородка и Казначеева мы посетили их ученый городок. Целый день провели в беседах, переходя из одного института в другой, из одного конференц-зала в другой, впереди шли Влаиль и Саша, без умолку говорившие о проблемах засушных, мы уже шли толпой поодаль, вслушиваясь в речи ученых. Вечер закончился в доме-особняке Влаиля Казначеева, топился камин, гости все расселись, найдя себе места, где есть. Вышла красивая супруга академика с сыном, она пригласила меня пройти наверх, показала второй этаж, храм учености, и порядка, и полной тишины. Надо сказать, что я была щедро одарена за всю жизнь с Александром радостью общаться с изумительными людьми, женщинами-покровительницами талантов своих мужей, я писала, что это были всегда красивые женщины, огромного внутреннего душевного тепла и выдержки.

Как окончание беседы я услышала: «Саша, вы непременно должны не отказать мне, нам, ученым, в том, что вы обязаны хронологически описывать все ваши действия, задумки, которые сопряжены с глубокой мыслью о глобальном». На что последовал Саши смешок — ему некогда. «Тогда позвольте взять на следующую гастрольную поездку одного человека из нашего института, который будет находиться рядом с вами денно и ношно и записывать за вами, не улыбайтесь, вы стоите того».

Назавтра мы с Сашей провожали ансамбль на Камчатку, в отпуск. Сначала мы решили, как обычно, проводить всех до крыльца

гостиницы, до автобуса. Но как-то в едином порыве вдруг начали собираться и вышли к ребятам на улицу, помогли им устроиться, занести вещи. Саша оглядел каждого, как всегда, обнял взором и благодарил за работу. Быстро доехали до аэропорта, как-то скоро прошла регистрация, ребята уходили сразу на посадку, с ужасом Александр вдруг осознал, что не видит уже ребят, — как мне это все слышать было?

Как и то, что через минуту выскочил через заслон Сережа Ким — и к нам. Они крепко обнялись... И Саша протянул сигареты «Ким» Киму, и мы вышли на улицу.

Запинаясь, Сережа говорил о том же, что и Саша, о быстроте оформления, о том, что ребятам тоже хотелось еще и еще раз постоять рядом с нашим руководителем, так было всегда спокойно и радостно, а тут...

Молча, с тяжелым сердцем возвращались мы с Сашей в гостиницу, водитель автобуса успокаивал нас, скоро, мол, встретитесь, не горюйте, спасибо ему.

* * *

Как то, беседуя со Скребковым Валерием Михайловичем, услышала я от него красивые слова о Саше и своей музыке: что это воплощение в музыке двух Сашиных характеров. Один, полный лирики, — это «Северянка», второй, полный экспрессии, неумности — это «Огонь». Что же, лучше и не скажешь. И сам Валерий в своих произведениях творчески выразился — тонко и сильно. Думая, до времени он притих, наверняка, у него есть задумки, и хочется верить в наш с ним Союз: Я — Тараска — Скребков.

* * *

31 декабря 1993 года. Канун Нового года. Десять, начало одиннадцатого, тишина, горят свечи, убран нехитро мой столик, часы спешат на два часа вперед, сломанные, но они неумолимо торопят события, заставляя меня почаще дружить с пером. Только что я, по-нашему с Сашей обыкновенно, зажгла огонь в печи и посидела, глядя на его замысловатые конфигурации. В пламени есть огромная, притягательная сила. Как никогда, сейчас я остро прочувствовала неизбывную связь веков. Здесь, у огня, промелькнули все события года, а каждая вежа отстукивается или искрой, или особой неистовостью пламени. Оно буквально пело, и я увидела глазами Саши, все образы «Огня» от начала и до конца.

Человек, ты добыл огонь,
Ты за него в ответе...

Чьи-то сильные слова, взятые Сашей эпиграфом для созданного им еще одного очень сильного номера, заставили И. А. Моисеева как-то после его просмотра задать Саше такой вопрос:

— А можно человека не сжигать?

На что Саша ответил:

— Нет. Человек должен жить в тонкой связи с окружающим, поклоняться, как меньший, более сильной стихии, и если преступил, то должен нести наказание. Есть силы Высшие, чем Человек, в данном случае эта сила — Огонь.

Если б можно было в эту минуту записать пение Огня — вот был бы сильнейший аккомпанимент танцу «Огонь». Хотя В.Скребков сумел в музыке показать пение стихии. Возможно, на потом, мне была дана такая шикарная подсказка. По крайней мере, мне всего больше хочется не музыкальный, лирический танец положить на красивейшую музыку. Все чаще меня тянет Пространство и Свобода, а с ними и Радость, что где — то рядом ходит его новое Воплощение, чувствую его близость.

Много магического и в том, что я не могу уехать в Америку, очень устала от ожидания и от безденежья.

Общения у меня очень много, как никогда, большой интерес появился у публики к моей персоне, да еще к тому же стала я сносно говорить, связывать слова и мысли, раньше это как — то было вроде и не нужно, будто.

Снова об Огне. Люблю смотреть на него и во время походов, воистину таинство Огня непостижимо, хоть прочитай всю литературу, где описывается сей герой.

Вспоминаю и вижу, как сидели старики и их спутницы возле Него. Тише, чем сама тишина, никто не смел заговорить, детей почти не приучали к почитанию Огня, а значит Старины, — сами малыши все видели и притихали. Никогда не было обсуждения тут же, о чем кто думал, что вспомнил, только кто — то молча утрет скудную слезу, все остальные также молча его невидимо обнимут и успокоят.

... Вот она простая, житейская философия северного человека, не люблю слово — аборигены, мы же никого «не съели», разве что нас...

Хочется пройти тропами всю нашу Камчатку, ведь сколько не прошли по ней — невозможно описать. Теперь, созревшей, я бы без умолку говорила на своем языке, шутила и пыталась завязать оторванные ниточки, знаю у меня бы это получилось. Вместе с тундровиками хочу встречать Восходы и Закаты, тем постигая Мудрость, которую я уже буду передавать следующему поколению.

...А вот и еще разновидность Огня — свеча, я о ней стала писать, она начала гореть ярче, язычок то удлинит, покивает из стороны в сторону. Он очень острый, и тянется в Пространство, наверх, воссоединяясь с Космосом. Странная свеча, она выбрасывает комки далеко в сторону, натеков мало. Мне стало очень тепло, как много я писала сегодня об Огне — удивительном создании Природы.

Впреки всем правилам, поздно вечером я сделала жертвоприношение Огню, надо это делать ранним утром, вместе с Солнцем, и путники во время своего путешествия во благо себе должны при каждой чаевке воздать должное Огню и не пройти мимо Святых мест, не положив что — нибудь в Дар, тогда вы увидите, все у вас будет хорошо и удачно.

В канун Нового года я попросила у Огня для всех людей, которые сегодня бедуют, хоть немного радости, блага и здоровья, поэтому пусть меня Огонь простит и поймет.

P. S. Хочется по всем номерам Александра сделать такие описания. Как получится. Возможно, в этом мне помогут мои коллеги из первого Состава «Мэнго». Это будет неоценимым трудом в память о нашем Александре.